

В. Г. Костомаров¹

ЭКРАННЫЕ ТЕКСТЫ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Приветствуя участников форума, посвященного диалогу цивилизаций, хочу обратить внимание на то, что сама форма данного диалога, равно как и любой вид современной коммуникации, может стать объектом изучения в силу бурно развивающегося технического прогресса в сфере информативных технологий.

Нынешняя техногенная эпоха подарила людям чудесную возможность хранить и получать знания не только буквенной записью и чтением, но и менее опосредованно, наглядно и красочно. Бурно совершенствующиеся аппараты аудиовидеозаписи, телевидение, компьютер, мобильная телефония, Интернет серьезно изменили исторически сложившееся языковое существование человечества. Библиотеки, например, стали хранилищами отнюдь не только книг, но и карт, рисунков, фильмов, кассет, дисков. Одной из первых перевела в цифровую форму свои книжные и рукописные богатства Библиотека Конгресса США; петербургская Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина даже задумана как электронно-книжное хранилище.

Распространяющиеся по всему миру способы фиксации, хранения и воспроизведения информации в естественном виде с тонкостями звучания и интонации, жестами, мимикой, движением, цветом, всей обстановкой речевого акта не могут не служить предметом изучения и преподавания язы-

ков, активизации межкультурного диалога. Сейчас уже мы можем говорить об особом виде текстов, которые можно назвать *экранными* и которые как явление, видимо, глобальны, хотя и существуют в национально-культурных и языковых различиях.

Быстроту и легкость поиска нужных сведений, яркие формы их подачи, открытые фотографией, граммафоном, радио, кино и телевидением, новые машины так усилили, что возникла угроза самому существованию книги. «Медиалоги» уже делят историю человечества на три типа цивилизации: господство устного слова, господство рукописной или печатной письменности и грядущее звукоизобразительное господство. Родители повсеместно жалуются, что дети перестали читать.

Однако письмо и рожденная им богатейшая книжность, возникшая как компенсация того, что есть в первородном контактном звуковом общении (произношение, интонация, невербальные носители информации вроде мимики, жестов, вообще «культурная обстановка») и чего письмо не передает, отнюдь не погубили первородное звучащее слово. Так и электронно-экранные средства могут лишь сосуществовать с ним и с книгой, столетиями плодотворно обслуживающими жизнь и прогресс людей. В то же время задача добиться органического соотношения в нашем языковом существовании теперь уже трех вместо двух «царств» в открывшемся аудиографовидеоединстве крайне актуальна.

Специфику аудиографовидеотекстов проще уловить, наблюдая за кино и телевидением как наиболее сложившимися их носителями. На их базе уже явно сформировались тексты своеобразной структуры, принципиально совмещающей языковые устные и письменные носители смысла с неязыковыми. По своей природе они синкретичны как в вербально-картинно-образном, так и в собственно вербальном смысле. Действуя массивно на все органы чувств, они создают, несмотря на дистантность контакта, иллюзию соучастия в общении,

¹ Академик Российской академии образования, президент Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва), доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор свыше 700 публикаций, в т. ч. 14 монографий: «Культура речи и стиль», «Русский язык на газетной полосе», «Русский язык среди других языков мира», «Жизнь языка: от вятичей до москвичей», «Рассуждение о формах текста в общении», «Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массмедиа», «Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики», «Стилистика» и др. Главный редактор журнала «Русская речь», член редколлегии журнала «Русский язык за рубежом». Награжден медалью Пушкина. Лауреат Государственной премии СССР, премии Президента РФ в области образования.

«вовлеченности». Они менее упорядочены, нежели книжные тексты, четко делящиеся на прагматические с доминантой тематической сферы и среды участников общения («функциональные стили») и художественно-беллетристические. По содержанию неограниченности и расчету на массовую аудиторию они столь же непредсказуемы (пока или просто требуя иных оснований дифференциации, чем книжные), что и всеохватная звуковая разговорность, которая и сегодня занимает наибольшее время в нашем языковом существовании и в которой, как и в них, важна проблема удержания аудитории, пусть и менее остро, ибо налицо немедленная «обратная связь» диалогом или даже физически.

Рассматриваемые тексты получаются синтезом и их справедливо считать синтетическими в двух значениях этого прилагательного — «полученными синтезом» и «искусственными». Последнее значение связано с непривычной новизной и качествами порождающей их технической базы, значительно более сложной, нежели техника письма, ставшая за века по сути естественно-человеческой (различие между естественным, природным и искусственным вообще противоречиво), и позволяющей передать фотографически (то есть точно, с иллюзией реального воспроизведения) акт коммуникации, опирающийся не только на язык, но и на изображение, звук, цвет, движение. В самом деле, в отличие от книжных, жестко связанных с языком (картинки, иллюстрации в них связаны больше с украшательством или — в прагматических их группировках — с картами, диаграммами, схемами, таблицами), они способны обрести формы изобразительности (как в пантомиме) и музыки, реализоваться и в звуке, и в письме, в песне, речитативе, вообще без языка и без письма, хотя, конечно, обычно в совокупности не всех, а лишь нескольких возможностей, чередуя их.

Эта сказочная полнота воздействует (деформирующе?) на язык, отчего можно сразу предположить, что она может быть избыточной и, облегчая, как и повседневные разговоры, восприятие, серьезно мешать его глубине, переходу информации в личностное сознание, чего достигают книжные тексты, отсекающие лишнее и требующие при чтении умственного напряжения, опоры на свой опыт и фантазию, критической оценки, скепсиса. Как ущербная ограниченность книжных текстов давно стала исторически величайшим их достоинством, так и неограниченная полнота рассматриваемых текстов оборачивается их ущербной ценностью для воспитания и обучения; болезненно встает вопрос, всегда ли все их возможности стоит запускать?

Специфично особое строение этих текстов, обеспечивающее помехоустойчивость и надежность связи с дистантной и неопределенной аудиторией, разные «искусственные» приемы, как: упорядоченное чередование информем и экспрессем (идущее от газетного сочетания информации и сенсации); «блочный синтаксис» (идуший от открытых кинематографом законов «монтажа кадров»); «клиповое

строение» с учетом особенностей кратковременной памяти; подчеркнуто контекстное значение слов, поддерживаемое изображением и нередко искажающее его истинное словарное значение; принципиальное и, видимо, постоянное использование наряду с языком невербальных носителей смысла.

Стремясь быть интересными и доступными, тексты массовой коммуникации имитируют межперсональный акт общения элементами разговорного диалога, приметами интимности, непринужденности, доверительности. В то же время, не ограничиваясь повседневно-жизельской и художественно-литературной тематикой, они вынуждены обращаться к книжному языку высоких материй, научных, официальных, государственно-политических. Действительное, чаще декоративное воспроизведение культуры обстановка также смягчает противопоставление письменной и звучащей реализации текста, а отчасти и вербальной и внеязыковой его частей. Образующийся «плавильный котел» своеобразно сплавляет книжные и разговорные средства выражения.

Рассматриваемые тексты завоевали себе обширное место в нашей жизни, а их отрицательные (впрочем, необязательно отрицательные, может быть, просто не всем пока привычные?) черты существуют с несомненно положительными. Современные быстротекущие события, высокотехническое и автоматизированное производство нуждаются в быстром получении нужной информации, представленной в краткой и яркой форме. Вряд ли стоит, боготворя многовековую традицию, отрицать новое; это было бы столь же нелепо, как и обожествлять его. Да это и невозможно, потому что первое, что сейчас делают миллионы людей, приходя домой, — включают «ящик», а не лезут на книжную полку. Громадный их успех объясняется именно легкостью потребления сообщаемого знания, расчленяемого на удобоваримые куски-блоки с развлекательными прокладками и подаваемого непрерывно, ярко, рекламно, даже агрессивно, в буквальном смысле, под музыку.

Рассматриваемые тексты привлекают все больше исследователей, их называют *креолизированными*, *диффузными*, *синтезированными* или *синтетическими* и чаще всего экранными. Форма их осуществления своеобразна, по природе своей механистична, связана с техническим опосредованием, что роднит их с книжными, опосредуемыми письмом, впрочем, они столь же легко прибегают к иным текстовым формам — устной, письменной, а также песенной, музыкальной, балетной, театрально-сценической, мимической или диалогической, монологической, стихотворной и прозаической и т. д.

Явление экранных текстов с начала нынешнего столетия замечается многими. Одной из первых о них написала Е. С. Кара-Мурза в статье «Русский язык и современная потребительская реклама»¹, отметив присущую им «аномию», размывание и пе-

¹ В сб. «Журналистика и культура на переломе тысячелетия» (М., 2002).

ресоздание языковых и стилистических законов и правил. С. И. Ильясова в докторской диссертации «Словообразовательная игра как феномен современных СМИ» (Ростов-на-Дону, 2002) выдвинула концепцию двух литературно-языковых норм — «словарной» и «ситуационной», причем вторая безоговорочно оправдана как неизбежная перспектива. Взвешенную оценку утраты «обычного (и привычного) нейтрального русского слова» в массмедиа дала О. А. Лаптева в докладе «Русское слово у журналиста». Принципиальное качество экранных текстов — сознательное обращение к невербальной передаче смысла — отмечено в авторитетной книге американских исследователей¹, возводящих его к изобретательству в газете как прародительнице языка всей массовой коммуникации. Это обстоятельство лежит, несомненно, в основе рождения экранной формы вообще. С тех пор появилось немало исследований на эту тематику.

В принципе любой текст может быть осуществлен в любой форме, но только в экранных одновременно могут использоваться все. Редко употребляется в письме (псевдоэкранных текстах, заменяющих устное общение, когда партнер не может говорить или когда надо сэкономить деньги) — в sms и интернет-чатах; забудем, что многие видят в этом «издевательство над русским языком» (может быть над орфографией, которая беспомощна передать живое общение?). Так же и книжный текст (чаще всего письменный, но сегодня нередко реализуемый в звуке) может порождаться и существовать в экранной форме (будь то радио, экран, компьютер, цифровая запись). Несмотря на то что эта форма до сих пор преимущественно ассоциируется с массовой коммуникацией, которая, впрочем, первоначально рождена и существует в письменной форме, в последние годы все чаще воплощается электронными средствами в звуке и даже с изображением. Оставляя эту тематику для дальнейших исследований экранных текстов, рассмотрим различия между их восприятием, детерминированными особенностями их природы и строения, и восприятием книжных текстов, то есть чтением.

Разумеется, характер чтения зависит прежде всего от того, что читается. Ведь чтение — это и восприятие массово-коммуникативных текстов, прежде всего газеты, являющейся родоначальницей массовой коммуникации в нынешнем понимании слова. Еще И. Кант придавал чтению газет (в отличие от чтения серьезных книг) отвлекающее значение, для отдохновения. Надо думать, что «чтение» таких источников, как газета, тем более реклама, отличается от настоящего чтения. В то же время несомненно, что отнюдь не все тексты, получаемые с экрана (который служит и просто носителем письменных текстов, целых книг для истинного чтения), — это тексты в экранной форме.

Чтение тем и отличается от прямого получения информации (например, от «телеслуховидения»),

¹ Barnhurst K. G., Nerone J. The Form of News [A History]. N. Y. : L., 2001.

что требует напряжения разума и воображения, обращения к собственному жизненному опыту, критического подхода, индивидуальной вдумчивости и обычно тишины. Через фазу скептической оценки ума происходит интериоризация (освоение и присвоение) прочитанного, возникает приобщение к всечеловеческому и национальному опыту, не только узнавание природы, законов математики, физики, химии, но и понимание социально-философских концептов свободы, добра, веры.

Извлечение информации из письменных источников — серьезный труд. Ведь здесь текст не содержит ничего, кроме буквенных символов, и передает смысл лишь достаточно условным и хитроумным возбуждением мышления, чувства и воображения, воскрешая личностный опыт и компетенцию читателя. Если этого не происходит, если у читателя жизненного опыта мало, а накопленная компетенция слаба, то чтение превращается в непосильное занятие. Чтению, как известно учителям и родителям, учить необходимо долго и настойчиво, тогда как восприятию кинофильмов и телепередач, не предполагающих особых усилий ума и воображения, учить не надо. Теле(экрано)зрители, даже радио(аудио)-слушатели и без учения готовы к потреблению информации с экрана и из динамика, особенно когда там имитируют живое общение. Эффект легкого восприятия текстов в экранной форме усиливается технологическим делением информационного потока на краткие, яркие, агрессивно воздействующие блоки (клипы) и другими уже отмеченными характеристиками их строения. Они затмевают сюминутность, преходящность, часто мимолетность и поверхностность сведений, не прошедших проверку разумом; они упрощают мир и не становятся органичным элементом духовной жизни личности. Этим экранные тексты отличаются от естественно прямого устного общения, где действительно есть непосредственное участие, и от книжных текстов, в которых для постижения смысла требуется разум, воображение, усидчивость. Привычка получать информацию в легкой для восприятия форме невольно отучает от трудовых умений, без которых чтение неинтересно и не приносит радости. Глубокое и прочное знание может возникнуть в сознании личности только в ходе чтения. Без него трудно, если вообще возможно воспитать человека, развить его ум и истинные чувства. В этом плане книга незаменима.

Ясно, что тексты в разном оформлении не взаимозаменяемы. У каждого свои достоинства и недостатки (не говоря уже о диалогических и монологических, стихотворных и прозаических, вспомним «тексты» театрального, балетного, мимического действия, живописи, музыки), и они должны мирно сосуществовать и дополнять друг друга для воспитания полноценных людей. Задача ввести эти сообщения в образование становится принципиальной. И ее не заменить ни криками о «гибели книги», «неполноценности нынешних детей», ни призывами запретить телевидение и Интернет. В сущности, перед нами всего лишь частный аспект идеологии

«общества потребления», только устроенного так, что железные оковы рациональности заменены резиновыми. Старые ценности вопиют о защите, потому что кажущаяся легкость жизни и доступность благ (обогатиться не трудом, а выигрышем на «поле чудес») губительны, если не пропущены через самодисциплину ума. Соответственно и в данном случае необходимо возрастное опережение: сначала научить читать, а потом допустить до компьютера, причем отдавая себе отчет, что дети в обоих случаях будут играть, а не вдумчиво постигать серьезные материи. Важно создать общее мнение, что хорошо говорить и грамотно писать столь же престижно, как и владеть компьютером, что быстро искать нужное в Google так же достойно, как и в словаре или энциклопедии.

Задача научить совмещать эти навыки имеет общечеловеческий характер и активно осмысливается. Обход фазы умственного напряжения и критичности восприятия открывает в перспективе возможность отвлечения от подлинного смысла, а то и случайного или сознательного его искажения, незатрудненного навязывания чуждых идей, оболванивания неопытного зрителя. Но и без злого умысла легкость и мнимая убедительность экранной информации ведет к болезненному дефициту внимания (ADD — Attention Deficit Disorder). Педагоги ищут способы борьбы с этим ранее редким заболеванием, сейчас охватывающим массы детей и подростков. Конечно, и у книги есть недостатки (не затрагивая различий содержания, напомним «чтение взапой» или «чтение» гоголевского героя, не вникавшего в смысл), но они не столь остры.

Не подменяя собою чтение, телевидение и Интернет обязаны поднимать его престиж. Они и сами организационно и содержательно опираются, по крайней мере пока, на письменную книжность. Привычку к чтению, любовь к книге могут воспитывать компьютерные игры, если представляют их целью увлекающего детей агрессивного достижения. В то же время все естественно связанное с чтением книги часто перестает быть индивидуально-молчаливым процессом воссоздания графического слова в живой текст и все чаще предстает озвученной живой картинкой.

Непреодолимого противоречия тут нет. Лозунг «Радио России»: «Теперь вы можете услышать то, что раньше могли только увидеть» можно с полным правом перефразировать: «Люди хотят уметь прочитать то, что увидели или услышали». Без этого умения сокровищница истории человечества и его сегодняшний день останутся втуне, а молодежь превратится в «иванов, не помнящих родства». Рассказывают о продвинутом мальчике, которого дед увлек коллекцией марок, историей и культурной ролью почты, забываемой в эпоху электронной переписки. Мальчик поинтересовался: куда наклеивали марку — прямо на дисплей или на вход компьютера?

Создать единую систему мирного сосуществования и сотрудничества всех способов и каналов хранения и передачи знания — важнейшая задача семьи

и школы, всего общества, обязанного во имя здоровья будущих поколений строго структурировать современное информационное пространство.

Сейчас модно ругать детей, которые мало читают, но они не стали хуже, они просто предпочитают меньше напрягаться, особенно при необученности, обращаясь к собственному разуму, воображению и жизненному опыту, перестали подходить к постигаемому с индивидуальной вдумчивостью, критически. Глубокое и прочное знание может в сознании личности возникнуть только в ходе чтения. Без него трудно, если вообще возможно воспитать человека, развить его ум и истинные чувства. Экранные тексты явно противопоказаны для философии и поэзии, для души и религии, да и для посвящения в научные знания — для всего, что требует выработки своего мнения, что формирует мировоззрение и самосознание личности.

Характеризуя экранные тексты, уместно провести такую условную параллель. Совсем недавно в продовольственных магазинах продавцы совком насыпали в пакет сахарный песок или крупу и взвешивали столько, сколько просил покупатель. Теперь мы сами берем коробку или банку, а кассирша лишь подносит их к считывающему устройству: товар расфасован, красиво упакован. Гораздо удобнее, гигиеничнее, быстрее, а главное — не надо напрягать разум. Информация — тоже товар, и телевидение ее фасует, подает в красивом, ярком и удобном виде. Однако очевидно, что роль потребителя в обоих случаях ограничена: нельзя купить, скажем, 700 граммов манки, а только килограмм (иногда и 980 граммов за ту же цену!), нельзя и самостоятельно иначе посмотреть на то, что преподносит телевидение. Потому-то книжники (!) со скепсисом смотрят телепередачи, а в магазин идут с мини-калькулятором или блокнотом.

Потребитель экранных текстов («юзер») забывает, что они крайне опосредованы и синтетичны (в смысле искусственны и привлекают, как любое новомодное изобретение), что на самом деле он видит лишь то, что ему показывает оператор, режиссер, редактор, монтажер, в конце концов владелец канала. Даже если они и далеки от сознательной манипуляции его сознанием, он лишен важнейшей при чтении возможности критически обдумать, трезво взвесить ценность и истинность ярких клипов, рекламно-красочных сведений, эмоционально поддержанных музыкой, цветом, движением, изображением. Он не может даже просто переспросить что-либо как при непосредственном живом общении, которое имитируют телеведущие. Трудно сказать, меняют ли ситуацию разные способы компенсации отсутствующей «обратной связи» — звонки в студию, ток-шоу с приглашением телезрителей, «поля чудес» и тому подобные приемы.

Ощущая все же некую неловкость от своеобразия языка в экранных текстах, мы склонны обвинять журналистов в отсутствии стилистического слуха, порче языка. Наивно полагая, будто всегда и всюду действуют одни и те же всепригодные законы его

применения, мы недоумеваем, сталкиваясь с нелепыми переносами специфического его функционирования в массмедиа, столь мощно и бесконечно вторгающихся каждый день в нашу жизнь, на другие сферы, в частности на сочинения некоторых писателей, составленные из блоков и клипов. Внимание всегда обращено к необычному, и мы злорадно выискиваем в газетах, радио- и телепередачах ошибки, несуразности, действительные или мнимые неудачи, но нам не приходит в голову собирать, цитировать удачные их фразы, находки, тексты, которых, безусловно, не меньше. По своей общественной природе именно массмедиа всегда, а в нашу карнавальную эпоху особенно — это опытная (чаще всего смеховая) лаборатория опробования потенциалов языка. В ходе экспериментирования неизбежны чудачества, но встречаются и чудеса, которые (не менее, думается, чем художественная литература) обогащают и наш общий литературный язык.

В то же время никоим образом нельзя одобрить модное сегодня бездумное перенесение языковых особенностей экранных текстов на тексты иного оформления и иных сфер. Законность своеобразия функционирования языка в экранных текстах и незаконность бездумного, неосторожного его распространения на тексты в других формах особенно важны, потому что они находятся сегодня в разных весовых категориях. Ведь силу воздействия средств массовой коммуникации нельзя переоценить. Отключение электричества люди сейчас воспринимают большей трагедией, нежели задержку зарплаты, причем даже не отсутствие света, а неработающий

телевизор. Оказавшись в зоне абсолютистского влияния массмедиа, мы все — вольно или невольно, слепо или сопротивляясь — ориентируемся на их язык как на образец для всеобщего подражания.

Необходима трезвая оценка неизбежной деформации языка в текстах экранной формы, так же как, скажем, обособляется язык в письменных текстах науки, производства, бизнеса, делопроизводства, или в устных текстах непринужденно-естественного быта, или в художественных, поэтических текстах согласно их стилевой, конструктивной специфике. Напомним, что принято даже говорить о разных «языках» (о «книжном языке» с его прагматическими стилями, о «разговорной речи», о «языке художественной литературы») или, что достойнее, о разновидностях применения единого русского языка.

Не породят ли экранные тексты (подобно тому, как письменные тексты породили книжность) еще одну разновидность применения единого русского языка — «массово-коммуникативную»? Главной ее особенностью, как нетрудно предугадать, будет принципиальная техническая опосредованность и способность к синтезу (во всех значениях этого термина, давшего определение «синтезированный», «синтезирующий» и «синтетический») текстовых форм, разновидностей применения языка, неязыковых носителей и передатчиков смысла, прежде всего звука и изображения...

Таковыми представляются возможные варианты судьбы языка экранных текстов в эпоху глобализации.